

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-1/-9

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-61-68

Дата поступления: 01.03.2024
рецензирования: 21.05.2024
принятия: 10.06.2024

Г.Ю. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

П. Мишра

Делийский университет, г. Нью-Дели, Индия, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: gayatri.pragya2001@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9521-0437>

«Индийский парадокс» в творчестве И.А. Бунина

Аннотация: исследователи жизни и творчества И.А. Бунина сталкиваются с очевидным парадоксом: писатель, влюбленный в индийскую культуру, никогда не был в Индии, но колоритные образы, религиозно-философские настроения, антропологические и историософские идеи, связанные с древнейшей цивилизацией, нашли отражение в его произведениях. В статье рассматриваются особенности формирования «индийского кода» в творчестве Бунина, той художественной аксиологии, которая определила концептуализацию литературного материала.

Первые впечатления Бунина от созерцания Индийского океана и Цейлона библейски, религиозно окрашиваются: сопрягаются с впечатлениями от «священных текстов», где мир ценностно и иерархически центрируется Богом в пространстве Рая. Именно в этом пространстве – в месте Творения – психоментально оказался Бунин, и «индийский код» формируется в соединении природного и священного, личностного и сакрального, – как особая мера, определившая доминантное отношение писателя к миру в категориях «жизненной родственности» и «вселенской отзывчивости», в образах «единоутробного братства», «колыбели человечества» и духовно-культурного родства с прародиной.

«Индийский парадокс» Бунина выявляет тот духовно-культурный потенциал русского национального самосознания, который позволяет существенно скорректировать европоцентристскую модель мироздания и миропостроения и естественно может быть востребован в решении антропологических и цивилизационных проблем современного общества.

Ключевые слова: Бунин; Восток; Индия; Цейлон; метагеография; «индийский код»; аксиология; антропология; историософия; «всемирная отзывчивость».

Цитирование: Карпенко Г.Ю., Мишра П. «Индийский парадокс» в творчестве И.А. Бунина // Семiotic studies. 2024. Т. 4, № 2. С. 61–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-61-68>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Карпенко Г.Ю., 2024 – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Мишра П., 2024 – магистр русской филологии, Делийский университет, г. Нью-Дели, Индия, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G.Yu. Karpenko

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

P. Mishra Delhi University, New Delhi, India,
Samara National Research University,
Samara, Russian FederationE-mail: gayatri.pragya2001@gmail.comORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9521-0437>

The "Indian Paradox" in the Works of I.A. Bunin

Abstract: researchers of I.A. Bunin's life and work are faced with an obvious paradox: the writer, who is in love with Indian culture, has never been to India, but colorful images, religious and philosophical sentiments, anthropological and historiosophical ideas associated with the ancient civilization are reflected in his works. The article examines the peculiarities of the formation of the "Indian code" in Bunin's work, the artistic axiology that determined the conceptualization of literary material.

Bunin's first impressions of contemplation of the Indian Ocean and Ceylon are biblically, religiously colored: they are combined with impressions of "sacred texts", where the world is value- and hierarchically centered by God in the space of Paradise. It was in this space – in the place of Creation – that Bunin psychomentially found himself, and the "Indian code" is formed in the combination of natural and sacred, personal and sacred, as a special measure that determined the writer's dominant attitude to the world in the categories of "vital kinship" and "universal responsiveness", in the images of "uterine brotherhood", "the cradle of humanity" and spiritual and cultural kinship with the ancestral homeland.

Bunin's "Indian Paradox" reveals the spiritual and cultural potential of the Russian national identity, which makes it possible to significantly correct the Eurocentric model of worldview and world-building and can naturally be in demand with respect to solving anthropological and civilizational problems of modern society.

Key words: Bunin; East; India; Ceylon; metageography; "Indian code"; axiology; anthropology; historiosophy; "world responsiveness".

Citation: Karpenko, G.Yu. and Mishra, P. (2024), The "Indian Paradox" in the Works of I.A. Bunin, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 61–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-61-68>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Karpenko G.Yu., 2024** – Doctor of sciences in Philology, Professor, Professor of Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Mishra P., 2024** – Master of Russian Philology, University of Delhi, New Delhi, India; Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Исследователи творчества И.А. Бунина, обратившиеся к теме «Бунин и Индия», сталкиваются с очевидным парадоксом: Иван Алексеевич Бунин, влюбленный в индийскую культуру, никогда не был в Индии. Но колоритные образы, религиозно-философские настроения, антропологические и исторические идеи, связанные с древнейшей цивилизацией, нашли отражение в его творчестве и даже сформировали «индийский код», художественную интенцию, определявшую концептуализацию литературного материала. Писатель выделяет Индию среди других стран Глобального Востока. Он мыслит Индию как колыбель человечества, как кровную родину и духовный исток евразийских народов. В одном из своих интервью он признается: «Я вообще люблю Восток и восточную религию <...> Индия же интересует меня как колыбель человечества и религии» (Летопись 2017, т. 2, с. 24).

Для индуса такая тяга Бунина к индийской культуре вполне объяснима: Индия не только яв-

ляется древнейшей цивилизацией, подарившей миру плодотворные идеи сотрудничества, но и представляет собой в силу особой духовной отзывчивости безопасное жизненное пространство, где каждый может гармонично взаимодействовать с природой, с другими людьми, проявлять себя, свои способности и даже просто жить в гармонии с самим собой, не претендуя на особый социальный статус и положение в обществе. Именно «последняя» способность индуса жить в гармонии с миром и самим собой, жить, сохраняя в себе перво-сущность и первоощущение бытия, и привлекала Бунина.

Безусловно, в творчестве Бунина можно выделить «индийскую образность» и «индийский след» по номинативному обозначению, когда писатель открыто заявляет: «Мой пращур обитал в Индии...» (Бунин 1965–1967, т. 5, с. 301), «Три руки! Ведь это Индия!» (Бунин 1965–1967, т. 7, с. 245). С другой стороны, выявление и описание «индийского кода» сопряжено с трудностью: его

очень сложно отграничить от восточного колорита в том случае, когда речь идет о древнеиндийских верованиях, о буддизме, об историсофских и антропологических концепциях, в которых индийское сопряжено с цейлонским, а цейлонское с индийским («Соотечественник», «Город Царя Царей»). В таком случае важно в целом сориентировать и определить «восточную» точку зрения Бунина, понять ее и как своеобразную оппозицию европоцентристскому взгляду на мир, и как сохранившееся в веках первосушностное мировосприятие, дополняющее рационально-прагматическое отношение к жизни современного человека («Братья», «Отто Штейн», «Третий класс»). Отношение Бунина к Востоку отличалось от привычного европейского взгляда на Восток. И.А. Таирова совершенно справедливо пишет: «...в странах Европы знания о традициях Востока преломлялись через европейский взгляд на «неевропейскую» – чуждую, непонятную культуру. Совершенно по-особому интересовался неевропейскими культурами И.А. Бунин» (Таирова 2007, с. 347).

Восток как культурно-исторический феномен занимает особое место в жизни и творчестве И.А. Бунина. Для писателя Восток – это всеобъемлющее явление: «<...> понятие «Восток» в творчестве Бунина включает в себя традиционное для России и довольно большое содержание: это страны Ближнего и Среднего Востока (Иудея, Палестина, Аравия, Турция, Иран), Северной Африки (Египет, Тунис, Абиссиния), Дальнего Востока и Южной Азии (Индия, Цейлон, Япония, Китай)» (Ковалева 2017, т. 11, № 1, с. 72).

Полное представление о географии бунинского Востока можно получить, если обратиться к «Списку населенных пунктов, где жил И.А. Бунин», размещенному на сайте ИМЛИ РАН в разделе «Академический Бунин» (Список).

Схожую мысль о географии «русского» Востока высказывает и И.А. Таирова: «Востоком называются местоположение тех стран, которые не всегда и не вполне соответствуют географическому направлению стороны света, противоположной западу, но своим особым миром отличаются от стран Европы. Такое определение впервые возникло в Римской империи. В России принято считать Востоком культурные области Передней, Южной и Восточной Азии и отчасти Африки. Под восточными традициями подразумевается история, культура и быт древних народов Востока, основу мировоззрения которых составляла та или иная религия или мифология» (Таирова 2007, с. 347).

Е.Б. Смольянинова определяет бунинский Восток не географически, а метагеографически, актуализируя аксиологические проблемы и вопрос духовно-генетического наследования: «Загадочный мир Востока с его мистицизмом, созерцательным мировосприятием, фатализмом и фанатизмом,

идеей верности своему пути был необыкновенно притягателен для русского человека. Он хранил тайну зарождения человечества <...> Буниным он воспринимался как хранилище древней мудрости, истин и тайн, дарованных человечеству, но забытых и безвозвратно утраченных им» (Смольянинова 1996, с. 205–206).

Бунин в понимание феномена Востока по сравнению с европейским отношением вносит другое измерение. Для него Восток становится не только культурно-географическим пространством, открывающим путешественнику свои экзотические красоты и картины повседневной народной жизни, но и метагеографическим. Он больше чем географическое явление: Восток манит писателя своей «родственностью». Для него восточное – цейлоно-индийское – значило не неевропейское, а родное и близкое. Писатель смотрел на проблему не только культурологически, подчеркивая разницу мировосприятия европейского и восточного человека, но и антропологически, «реставрируя», «досотворяя» человека до состояния, каким он был в «начале», в «первые дни Творения». На такое «сверхмерное» отношение Бунина к Востоку обратил внимание еще А.М. Горький, определивший интерес писателя к Индии как «свое, органическое, наследственное тяготение к Востоку» (Горький 1955, с. 147).

Постановка проблемы

В своих произведениях писатель использовал легенды, мифы, притчи, сказания, взятые из восточных культур, которые до сих пор нуждаются в специальном комментарии. В его тексты вошли многие религиозные понятия, имена божеств, географические названия, имеющие символическое значение, такие как Индийский океан, Атман, Будда, Рикша, Цейлон (Окраина Земли). Обращаясь к реалиям Востока Бунин передал собственное мировоззрение, синтезировав опыт религиозных культур этого обширного региона и сопоставив их ответы на «вечные вопросы» с собственными. Он шел по пути осмысления «восточно-русской близости» (Бекметов 2018).

Однако, несмотря на, казалось бы, достаточную изученность и разработанность темы Востока в творчестве Бунина, на наличие обобщающих характеристик, сохраняется проблема «начала» формирования «индийского кода» и особенностей его выражения: как в мировосприятии Бунина появляется «восточное видение» и как в «восточном видении» складывается «индийский код» – не только восторженное и близкое родное, пришедшее из глубин веков «райски чувственное мироощущение», но и «телесность праотца». Проблема формирования и особенностей выражения «индийского кода», в том числе появления первых «индийских впечатлений» во время

путешествия Бунина на Цейлон посвящена предлагаемая статья.

Чтобы проследить становление «индийского кода» мировосприятия Бунина, необходимо иметь в виду и авторитетные источники. На сегодняшний день таким надежным источником является «Летопись жизни и творчества И.А.Бунина», выпуск которой запланирован в четырех томах, и к настоящему времени вышло 2 тома: Летопись жизни и творчества И.А.Бунина. Т. 1 (1870–1909) / сост. С.Н. Морозов. Москва: ИМЛИ РАН, 2011. 944 с.; Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / сост. С.Н. Морозов. Москва: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

Как формируется «индийский» взгляд Бунина, восприятие Востока – «ненасытное восприятие» (Бунин, т. 3, с. 483), отражают многие документы, собранные С.Н. Морозовым в фундаментальном издании «Летопись жизни и творчества И.А. Бунина».

Ход исследования

Первыми впечатлениями Бунин делится в письме к своему брату Юлию от 19 февраля (4 марта), сообщая ему: «Мы уже в Индийском океане <...> Чувствую себя счастливым, дай Бог не сглазить» (Летопись 2017, с. 90). В этих первых впечатлениях Бунин сопрягает очень важные величины и состояния: Индийский океан вызывает чувство счастья, причем такого, что оно – особого качества и ценности – нуждается в своеобразной сакрализации, освящении, защите «от сглазу»: «Дай Бог не сглазить». В письме Бунина обращает на себя внимание такая необычная характеристика в одно слово открывшейся его взору равнины: «обширная низменность цвета слона» (Летопись 2017, с. 90). Примечательно, что Бунин оценивает цвет низменности, используя не прилагательное, а характерное существительное «слон», тем самым передавая не только цвет, но и шероховатость поверхности обширной пустыни. Он использует сочетание «низменность цвета слона», чтобы описать окружающее серое пространство, которое может показаться всем тусклым цветом, но сравнение ее низменности со слоном меняет ее восприятие, придавая ей особое значение: в индийской культуре слон символизирует такие качества, как божественность, королевскую власть и силу. Семиотически уже в первых эмоционально-лексических реакциях Бунина задан определенный ценностный масштаб восприятия: Индийский океан, обширная низменность, слон, счастье, Бог, – задана мера величия и душевно-духовного простора. Писатель чувствует, что он оказался в другом ценностном пространстве, в иной точке бытия. Бунин сообщает брату: «Вид этого нового неба возбудил во мне странные чувства, точно я еще раз, сознательным, родился на земле право,

что-то вроде этого и было грустно, потому что, наверно, не увижу я этого неба еще раз уже никогда. Хорошо и то, что ни души нет, кроме нас, на пароходе <...> Нынче утро было очень тяжкое, очень влажное, облачное <...>. В 9 часов прошли мимо Перима, к завтраку прошли пролив и сразу стало легче, свежее, светло, знойно-весело: Индейский океан!» (Летопись 2017, с. 90). Бунин был поражен огромным небом и назвал его «новым небом», потому что оно дало ему необычные переживания, которых он никогда раньше не испытывал. Он чувствовал себя «заново» рожденным, как будто только начал понимать суть бытия, тайну жизни, соотношенную в его переживании с «новым небом» и «Индийским океаном!» Но речь идет скорее и точнее не о физическом рождении вновь, а о переживании той «родственной жизненности», которая связана с этими божественными реалиями, речь идет об узнавании своей прародины, о таком эффекте, когда человек не помнит, что он «здесь» был, но психобиологически, рецептивно чувствует, что «здесь» он, конечно, был.

Именно «здесь», в точке претворения, собиранья всех «восторгов» бытия, рождается другое – не книжное – восприятие мира, обретается понимание его непостижимых тайн. Позже в рассказе «Воды многие» Бунин передаст в художественной форме случившееся с ним освобождение, преобразование: «Уже в Океане. Совсем особое чувство – безграничной свободы. <...> Долго ходил по палубе с необыкновенной легкостью, наслаждаясь бьющим в лицо ветром. Потом решительно пошел в каюту, развязал набитый книгами чемодан, который мы с ненавистью таскали всю зиму по отелям в Египте, и торопливо стал отбирать прочитанное и не стоящее чтения. А отобрав, стал бросать за борт и с большим облегчением смотреть, как развернувшаяся на лету книга плашмя надает на волну, качается, мокнет и уносится назад, в океан – навеки. Думала ли она <...> кончить свои дни в Индийском океане! <...> Выбросив несколько книг и успокоившись, будто сделал что-то очень нужное, после чего все должно пойти гораздо лучше, глядел с палубы в пустой простор этих «вод многих», со всех сторон безответно объемлющих нас, все с тем же вопросом в душе: за что и зачем? – и в этой же самой божьей безответности, – непостижимой, но никак не могущей быть без смысла, – обретая какую-то святую беззаботность» (Бунин, т. 5, с. 326–327).

Удивительное признание Бунина: уже в первых своих переживаниях он почувствовал себя человеком, мировосприятие которого зародилось в «этих местах». Оно не вычитывается из человеческих книг, а рождается здесь, среди людей, которые почитают «только Библию, Коран, Веды! <...> знают одно – древнюю «покорность Вожатому» (Бунин, т. 5, с. 327).

Следует обратить внимание, как Бунин семиотически оформляет предельно значимые для себя переживания: Индийский океан, Библия, Коран, Веды – эмоционально «нагруженные», сакрализуемые слова, неизменно «освящаемые» восклицательным знаком. Для Бунина восклицательный знак – это очень сильный знак. По наблюдениям Н.В. Пращерук, «...восклицательные предложения, в целом не характерные для бунинской манеры письма» (Пращерук 2022, с. 37).

Получается так, что именно «восклицательное» величие Индийского океана, которое в рассказе «Воды многие» побудило Бунина предположить эпиграф из Псалтири «Господь над водами многими...» (соединить тем самым в своем сознании-восприятии «индийское» и библейское), и «подтолкнуло» писателя «упокоить» многие книги в «водах многих». Индийский океан как духовная мера подлинного, рождающаяся прежде всего в интимно-личностном мировосприятии, в органике душевного подарил Бунину и пробудил в нем чуткость к первоначально первичным смыслам и ценностям бытия, которые не вычитываются из книг, а открываются «утробно» в созерцании-восторге.

Поэтому не случайно и закономерно, что Бунин, находясь под впечатлением от потрясающего масштаба увиденного, создает стихотворения «Океан под ясною луной...», «Мелькают дали, черные, слепые...», «Ночлег» («В вечерний час тепло во мраке леса...») и указывает, где и когда они были написаны, фиксирует не только время – февраль 1911 года, но и место – Индийский океан (Бунин, т. 1, с. 331–332). Ценностно-семантически место пребывания Бунина – Индийский океан – сопрягается в стихотворениях с местом Творения, с первосущностными силами – с «небесными Силами» (Бунин, т. 1, с. 332), порождающими мир и «руководящими» им: «Бог, в довременный хаос погруженный, / Мрак сотрясает ропотом своим» (Бунин, т. 1, с. 332). И в этом Богом сотворенном месте Бунин испытывает родственность своей души распахнувшемуся мирозданию: «И растворишься, исчезни в небе чистом – / Вернись на родину, душа!» (Бунин, т. 1, с. 332).

Так Бунин уже в начальных впечатлениях преодолевает «романтический экзотизм» открывающихся картин: «здесь» – в Индийском океане, под «чистым небом» – он видит и переживает не экзотическое, а родное и близкое.

В марте 1911 года Бунин путешествует по Цейлону. В письме к брату Юлию от 6 (19) марта Бунин пишет: «Цейлон так поразил и меня, и Веру, что были мы там положительно как в горячем сне. Ни на что не похоже – и хорошо, одуряюще хорошо так, что начинаешь верить, что здесь был Рай, и всем существом чувствуешь, что перенесен в древность, на землю первобытных богатств и

роскоши. Ты знаешь, меня первое время ничто не поражает, но тут я ошалел» (Летопись 2017, т. 2, с. 93).

Нетрудно заметить, что писатель фиксирует свои психоментальные состояния словами эмоционального предела и восторга («Цейлон поразил», «в горячем сне», «одуряюще хорошо», «я ошалел»), Вот это чувство «новой» сокровенной радости Бунин воплотит в дальнейшем в своем творчестве в образах цейлоно-индийской и русской родственности. Для него (уже в изначальном восприятии) Цейлон и Индия – это, безусловно, Рай, колыбель, чарующая и влекущая древность первобытных богатств в их материальном и духовном выражении: открывающиеся его взору картины социальной жизни при всех их мрачности не смогут затемнить радостного переживания своего душевно-духовного первородства.

Как видим, первоначальные впечатления Бунина, связанные с Индией и Цейлоном, находят свое выражение в образах, которые встречаются в «священных текстах», где мир ценностно и иерархически центрируется Богом в пространстве Рая. Именно в этом пространстве психоментально оказался Бунин, и «индийский код» формируется в соединении природного и священного, личностного и сакрального, – как особая мера, определившая доминантное отношение писателя к миру в категориях «жизненной родственности» и «вселенской отзывчивости».

Индийско-цейлонское пространство мыслится и воспринимается писателем как «добιοграфическая» родина, с которой он связан «чувственной памятью», доставшейся ему от далеких предков, проживавших именно в этом регионе и передавших в процессе «исхода» и расселения такой редкий дар, как «воспоминание»: «А воспоминание, – употребляю это слово, конечно, не в будничном смысле, живущее в крови и тайно связующее нас с десятками и сотнями поколений наших отцов, живших, а не только существовавших, воспоминание это, религиозно звучащее во всем нашем существе, и есть поэзия, священнейшее наследие наше, и оно-то и делает поэтов, сновидцев, священнослужителей слова, приобщающих нас к великой церкви живших и умерших» (Бунин 1998, с. 168).

Именно Восток «воскресил» в Бунине глубинное свойство души, особое знание, которое, по мысли писателя, покоится в потаенном виде в каждом человеке и в подсознательной, чувственной форме наследуется им из поколения в поколение. Человек обладает удивительной способностью, «чувственной памятью», он наделен «чувствующей душой», «помнящим сердцем» (Карпенко, Франковская 2023, т. 1, № 4, с. 18–27). «Чувственная память» есть «нечто такое, что недоступно обычной человеческой памяти» (Бунин, т. 9, с. 45). Она определяется писателем как особая специфика

ческая способность человека знать душой, сердцем: «Но ведь слишком скудно знание, приобретаемое за нашу личную краткую жизнь – есть другое, бесконечно более богатое, то, с которым мы рождаемся» (Бунин, т. 6, с. 13).

«Чувственная память» – это общее достояние человечества, она наследуется и свидетельствует о том, что в людях течет единая жизнь: «Единая жизнь совершает свое таинственное странствование через тела наши, стремись же ощутить это единство и благоговей: в нем твое бессмертие (долгота дней) и самоутверждение» (Бунин, т. 5, с. 318).

Но есть особый род людей (к нему Бунин относил и себя), который наделен исключительной способностью: «Способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и прочих, – то есть, как принято говорить, способностью перерождения и, кроме того, особенно живой и особенно образной (чувственной) Памятью» (Бунин, т. 5, с. 302); «Эти люди, одаренные великим богатством восприятий, полученных ими от своих бесчисленных предшественников, чувствующие бесконечно далекие звенья Цепи, существа, дивно (и не в последний ли раз?) воскресившие в своем лице силу и свежесть своего райского праотца, его телесности. Эти люди райски чувственные в своем мироощущении, но рая уже лишённые» (Бунин, т. 5, с. 306).

Бунин, воплощая в своем творчестве концепцию цейлоно-индийского и русского родства, постоянно подчеркивает сходство географически удаленных друг от друга культур: «деревянная статуя» на Цейлоне расписана, как «точь-в-точь деревянные миски и чашки на наших ярмарках» (Бунин, т. 4, с. 403); а московская «Богородица треручица» отсылает к образам Индии: «Три руки! Ведь это Индия!» (Бунин, т. 7, с. 245).

Но для писателя важны не только признаки внешнего сходства, но и проявления духовно-чувственного «вспоминания» о своей прародине (об этом говорит Никита Зотов, герой рассказа «Соотечественник»): «Дело, говорит он, не в одном внешнем сходстве <...> он уже видел, чувствовал индийские тропики, может быть, тысячи лет тому назад, – глазами и душой своего бесконечно давнего предка» (Бунин, т. 4, с. 403–404).

О переживании «единоутробного» родства с «давними предками» Бунин пишет в рассказе «Город Царя Царей» (Бунин, т. 5, с. 132). В религиозно-философском рассказе «Ночь» он еще раз обращается к волнующему его антропному комплексу, роднящему лирического героя с индийскими предками: «Но ведь так вероятно, что мои пращуры обитали именно в индийских тропиках. Как же могли они, столько раз передававшие сво-

им потомкам и наконец передавшие и мне почти точную форму уха, подбородка, бровных дуг, как могли они не передать и более тонкой, невесомой плоти своей, связанной с Индией? Есть боящиеся змей, пауков «безумно», то есть вопреки уму, а ведь это и есть чувство какого-то прежнего существования, темная память о том, например, что когда-то древнему пращуру боящегося постоянно грозила смерть от кобры, скорпиона, тарантула. Мой пращур обитал в Индии» (Бунин, т. 5, с. 301).

Итак, Бунин последовательно проводит мысль о причастности русского человека к общей мировой истории, о его кровно-духовной связи с единым – цейлоно-индийским – истоком человеческого рода.

Не случайно Бунин, безусловно, знакомый с различными научными и религиозно-мифологическими концепциями происхождения человечества, в рассказе «Город Царя Царей» ссылается на ту из них, которая сводит цейлоно-индийскую традицию и библейскую (ветхозаветную и даже кораническую) к одному корню (Минаев 1878, ч. 1, с. 5, 65). Согласно распространенной легенде (Геккель 1899, с. 123–124) первыми действующими лицами «арийского царства» были библейские герои Адам, Ева, Авель и Каин: «Создатель сделал его раем, местом сотворения человека, и отдал Адаму в полное владение» (Бунин, т. 5, с. 130–131). Адам, нарушив запрет Бога, перебрался вместе с Евой по сооруженному им мосту – Адамову мосту – в Индию, положив тем самым начало развитию всего человечества. Так в творчестве Бунина оформляется историософская мифологема не только географического единства индийского и цейлонского пространств, но и духовного родства разных религиозных традиций, – так получает концептуальное выражение идея «восточного» – индийского – пути европейского человечества (Карпенко 2024, с. 123–134).

Выводы

Культурно-историческая значимость «индийского кода», получившего свою реализацию в произведениях Бунина, видна в сравнении. С одной стороны, бунинская концепция культурной взаимности является своеобразной формой выражения таких свойств русского национального характера, как «всемирная отзывчивость», «всепримиримость», «всечеловечность», впервые запечатленных, по словам Ф.М. Достоевского, в творчестве Пушкина: «... ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено» (Достоевский 1984, т. 26, с. 148), – и, безусловно, изначально имеющих христианскую основу (Бердникова 2009), (Ковалева 2024, с. 153–171). С другой стороны, в европейской культуре формировались концепции антропологической исключи-

тельности (Фихте 2009, с. 128, 166), (Тайлор 1898, с. 62–76). Так, Г.В.Ф. Гегель в «Лекциях по философии истории», читанных в 1822–1830-м годах, хотя и признает, что «Индия является исходным пунктом для всего западного мира» (Гегель 1993, с. 181), все же «диалектично» утверждает историческую смерть индийского духа, который никак, по его словам, не повлиял на становление мирового процесса: «Распространение индийских элементов является доисторическим <...> Выход Индии за ее пределы вообще является лишь немым распространением» (Гегель 1993, с. 181–182), – и, находясь во власти германопассионарных настроений, заключает: «Германский дух есть дух нового мира» (Гегель 1993, с. 361). «Какое заблуждение!» (Ренан 1902, т. 6, с. 95) – восклицал Э. Ренан, осуждая германские и европейские претензии на историческое и мировое господство: «Это весьма крупная ошибка, которая погубила бы европейскую цивилизацию, если бы сделалась господствующей» (Ренан 1902, т. 6, с. 94).

Именно в широком культурологическом контексте и должна быть осмыслена бунинская концепция о русско-индийском родстве. «Индийский парадокс» Бунина, таким образом, выявляет тот духовно-культурный потенциал национального самосознания, который позволяет существенно скорректировать европоцентристскую модель мировидения и миропостроения и, естественно, может быть востребован в решении антропологических и цивилизационных проблем современного общества.

Источники фактического материала

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Москва: Художественная литература, 1965–1967. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием тома и страницы.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. Москва: Наследие, 1998. 640 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август. Ленинград: Наука, 1984. 518 с.

Библиографический список

Бекметов Р.Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: РИЦ «Школа», 2018. 328 с.

Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: Воронежская обл. типография; Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. 272 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 479 с.

Геккель Э. Натуралист под тропиками. Москва: Русская мысль, 1899. 196 с.

Горький А.М. Письмо И.Ф. Жиге от 15 августа 1929 г. // Горький А.М. собр. соч.: В 30 т. Т. 30: Письма, телеграммы, надписи. Москва: ГИХЛ, 1955. С. 146–147.

Карпенко Г.Ю. Путь с Востока: И.А.Бунин и Н.К. Рерих о единстве человечества (литературно-исторический и антропологический контекст) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. № 1. С. 123–134.

Карпенко Г.Ю., Франковская Л.В. Особенности художественной гносеологии И.А. Бунина: от наблюдения до «чувственной памяти» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Филология. 2023. № 4 (42). Т. 1. С.18–27.

Ковалева Т.Н. Мир востока в лирике И.А. Бунина 1900–1910-х годов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11, № 1. С. 72–76.

Ковалева Т.Н. Евангельская основа темы братства людей в творчестве И.А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 2. С. 153–171. DOI: <http://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13582>.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / сост. С.Н. Морозов. Москва: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

Минаев И.Н. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского: В 2 ч. Санкт-Петербург: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1878.

Пращерук Н.В. Проза И.А. Бунина: философия, поэтика, диалоги. Екатеринбург: Изд-во Урал. унта; Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 432 с.

Ренан Э. Собрание сочинений: В 12 т. Киев: Издание Б.К. Фукса, 1902.

Смольянинова Е.Б. «Буддийская тема» в прозе И.А. Бунина // Русская литература. 1996. С. 205–212.

Список населенных пунктов, где жил И.А. Бунин // ИМЛИ РАН. Академический Бунин. URL: <https://ivbunin.ru/index.php/biografiya/spisok-naselennykh-punktov-gde-zhil-i-a-bunin> (дата обращения 10.05.2024).

Таирова И.А. (Таварацян И.А.) Знаки памяти «величия Вселенной» в поэзии И.А. Бунина // Текст: проблемы перспективы. Москва: Макс Пресс, 2007. С. 347–349.

Тайлор Э.Б. Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации. Санкт-Петербург: Издание И.И. Билибина, 1898. 434 с.

Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 349 с.

References

Bekmetov, R.F. (2018), *Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue)*, RIC "Shkola", Kazan, Russia.

- Berdnikova, O.A. (2009), *"God's Peace is so sweet to the heart": I. Bunin's work in the context of the Christian spiritual tradition*, Voronezhskaya oblastnaya tipografiya; Izdatel'stvo imeni E.A. Bolxovitinova, Voronezh, Russia.
- Hegel, G.W.F. (1993), *Lectures on the philosophy of history*, Nauka, St. Petersburg, Russia.
- Haeckel, E. (1899), *Naturalist under the tropics*, Russkaya my'sl', Moscow, Russia.
- Gorky, A.M. (1955), Letter to I. F. Zhige dated August 15, 1929, Gorky A.M. *Collected works: In 30 vol. t. 30: Letters, telegrams, inscriptions*, GIHL, Moscow, Russia, pp. 146–147.
- Karpenko, G.Yu., (2024), The Way from the East: I.A.Bunin and N.K. Roerich on the Unity of mankind (literary, historiosophical and anthropological context), *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Philological sciences*, no. 1, pp. 123–134.
- Karpenko, G.Yu. and Frankovskaya, L. (2023), Features of I.A. Bunin's artistic epistemology: from observation to "sensory memory", *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. Philology*, vol. 1, no. 4 (42), pp.18–27.
- Kovaleva, T.N. (2017), The World of the East in the lyrics of I.A. Bunin of the 1900-1910s, *Izvestiya Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities*, vol. 11, no. 1, pp. 72–76.
- Kovaleva, T.N. (2024). The evangelical basis of the theme of the brotherhood of man in the works of I.A. Bunin, *Problems of historical poetics*, vol. 22, no. 2, pp. 153–171, DOI: <http://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13582>.
- Chronicle of the life and work of I.A. Bunin* (2017), vol. 2 (1910-1919), S.N. Morozov (Comp.), IMLI RAS, Moscow, Russia.
- Minaev, I.N. (1878), *Essays on Ceylon and India. From the travel notes of the Russian: In 2 vols.*, L.F. Panteleev (ed.), St. Petersburg, Russia.
- Prashcheruk, N.V. (2022), *I.A. Bunin's prose: philosophy, poetics, dialogues.*: Ural Publishing House, Yekaterinburg; Aleteya, St. Petersburg, Russia.
- Renan, E. (1902), *Collected works: In 12 vols.*, B.K. Fuchs (ed.), Kiev, Russia.
- Smolyaninova, E.B. (1996), "Buddhist theme" in the prose of I.A. Bunin (the story "The Cub of Life"), no. 3, pp. 205–212, Russian literature, Russia.
- List of settlements where I.A. Bunin lived* (2024), IMLI RAS, Academic Bunin, [Online], available at: <https://ivbunin.ru/index.php/biografiya/spisok-naselennykh-punktov-gde-zhil-i-a-bunin> (Accessed 05 October 2024).
- Tairova, I.A. (2007), *Signs of memory of "greatness of Universe" in the poetry of I.A. Bunin, Text: problems of perspective*, pp. 347–349, MAKS Press, Moscow, Russia.
- Tylor, E.B. (1898), *Anthropology. Introduction to the study of man and civilization*. Edition of I.I. Bilibin, St. Petersburg, Russia.
- Fichte, I.G. (2009), *Speeches to the German nation*, Nauka, St. Petersburg, Russia.

Submitted: 01.03.2024

Revised: 21.05.2024

Accepted: 10.06.2024